УДК 215
DOI: 10.25991/3033-604X.2025.32.42.011

Д. С. Литова[1]

РОМАН СТАНИСЛАВА ЛЕМА «СОЛЯРИС»: ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ В БОГОСЛОВСКИХ КАТЕГОРИЯХ «РАДИКАЛЬНОЙ ОРТОДОКСИИ»

Аннотация. *В статье рассматривается критика Джоном Милбанком, ведущим автором философского направления «Радикальная Ортодоксия», некоторых принципов теологии Дунса Скотта и проводится их сравнение с онтологией романа Станислава Лема «Солярис». Анализ Океана, как он изображен Лемом, позволяет визуализировать богословскую критику секулярной современности и позитивизма; в свою очередь, применение богословских категорий значимо для осмысления религиозного нарратива романа и его проблемных аспектов. Автор демонстрирует, как Лем противопоставляет божественный разум и науку с ее лимитами — контекст, в котором христианская философия представляется конструктивным ответом на неразрешимые противоречия секулярного мировосприятия, ведущего к фрагментированной онтологии нигилизма. В целом статья представляет собой оригинальное исследование философских и теологических тем в рамках «Соляриса». Представляется конструктивным дальнейшее исследование философии Лема через теологическую призму, в частности, его произведений о «первом контакте» с иноземным разумом.*

Abstract. *The author aims to explore the concept of representation and univocality as perceived by John Milbank and the "Radical Orthodoxy" thought through the prism of Stanislaw Lem's novel "Solaris". The critical comparison of the diminished and God's representation principle in Scottist perspective (according to Milbank, fostering secularization and modernity) and the image of the Ocean as depicted by Lem helps to*

[1] **Литова Дарья Сергеевна** — аспирант Московского государственного института международных отношений (Москва); darya.litova@gmail.com.
Litova Darya Sergeevna — PhD student at the Moscow State Institute of International Relations (Moscow); darya.litova@gmail.com.

visualize the novel's religious narrative and unveil its problematic aspects. In this view the paper evokes Christian philosophy as a constructive response to the deadlocks of positivism and secularism resulting in fragmented ontology that leads to virtualization and absurdity. The article reflects how Lem juxtaposes the nature of divine intellect and scientific limitations addressing the challenges posed by Stanislaw Lem's atheistic worldview, self-contradictory in advocating for the sacredness and comprehensiveness of science while demonstrating its limitations. Overall, the article provides a distinctive exploration of philosophical and theological themes within Solaris, offering critical insights into the representation of being and its implications within a complex, turbulent ethical landscape. The author suggests further exploration of Lem's philosophy through the theological lens, particularly in relation to the concept of '"first-contact" novel'.

***Ключевые слова**: Радикальная Ортодоксия, Станислав Лем, искусственный интеллект, Джон Милбанк, Дунс Скот, «Солярис», Другой, первый контакт.*

***Keywords:** Radical Orthodoxy, Stanisław Lem, artificial intelligence, John Milbank, Duns Scotus, "Solaris", first contact.*

Для Ст. Лема технологические вопросы всегда обладают метафизическим измерением[1] [9, с. 94]. Представляется, что наиболее полно и многогранно религиозная философия Лема получает раскрытие в цикле романов «первого контакта»[2] (first-contact novel)[3], описывающих столкновение человечества с принципиально отличными от него цивилизациями и конфликты, неизбежно возникающие в результате. «Человек отправился познавать иные миры, иные цивилизации, не познав до конца собственных тайников, закоулков, колодцев, забаррикадированных темных дверей» [5, с. 165], — так можно охарактеризовать ключевую проблему, к которой возвращается автор: проблему взаимоотношения «человеческого, слишком человеческого» и принципиально внешнего и непознаваемого по отношению к нему.

Особенно выделяется из этого ряда «Солярис»: не только и не сколько потому, что ему удалось занять прочное место в мировом литературном каноне и в связи с особой лиричностью и психологизмом повествования. Именно в «Солярисе» героем Лема предлагается вариант собственной «темной теологии»[4] (в которой при пристальном рассмотрении можно увидеть черты манихейства, «слабой теологии» Капуто и апологию теодицеи). Переполненное

[1] Среди ярких примеров — «Сумма Технологии», отсылающая одновременно к Фоме Аквинскому и Альберту Великому, «Фантастика и футурология», рассказ «Загадка» из цикла «Кибериада».

[2] Первый контакт — в антропологии: первая встреча до того не пересекавшихся культур; в научной фантастике: сюжет, описывающий первую встречу человечества с внеземным разумом.

[3] Принято относить к ним произведения «Крыса в лабиринте», «Эдем», «Солярис», «Непобедимый», «Глас Господа», «Фиаско».

[4] Термин, используемый теологом Андреем Шишковым, описывающий введение в богословские исследования метода объектно-ориентированной онтологии.

религиозными тропами[1], повествование «Соляриса» балансирует между научной фантастикой и мистикой. Именно здесь философия «первого контакта» Лема приближается к пространству размышлений о теозисе (θέωσις). В романе переплетаются проблемы воскресения, непостижимой воли демиурга, проникающего в мысли, природы зла. Лем размышляет об Океане как несовершенном божестве, оставляя пространство для полемики.

В этой статье хотелось бы не столько предложить опыт религиоведческого прочтения «Соляриса» (неоднократно описанный рядом авторов), сколько сузить проблематику и предпринять попытку описания мира произведения в ключевых категориях философско-богословской школы «Радикальная Ортодоксия» [12]. В этой статье я бы хотела «картировать» пространство романа по осям, предложенным Джоном Милбанком и Кэтрин Пиксток (онтология аналогии VS онтология репрезентации, истина науки vs истина Откровения). Представляется, что такой взгляд на философию романа не только способен актуализировать ряд его тем для более глубокого понимания современных общественно-культурных процессов, но и позволит проиллюстрировать богословскую систему координат, развиваемую авторами «Радикальной Ортодоксии». Речь идет о противоречии между философией Фомы Аквинского и Дунса Скота, которые ставят перед нами вопрос не только понимания богословами (преимущественно католической традиции) сущности Бога, но и восприятия категорий истинного и божественного в универсально разделяемом пространстве современной глобальной культуры.

«СОЛЯРИСТИКА» КАК ОБРАЗ КРИЗИСА СЕКУЛЯРНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Философия науки и критика ее актуального положения — одна из ключевых макротем в творчестве Лема. Описание «соляристики» в романе можно частично интерпретировать как критику позитивистского познания, которому автор противопоставляет познание через Откровение в виде непосредственного взаимодействия с нечеловеческим разумом. Мир Соляриса преломляется через две призмы: теоретическую и эмпирическую. Пока живой Океан ставит перед каждым из персонажей одному ему понятные этические задачи, с первых страниц связываемые с виной и Искуплением (процесс, который можно сравнить с опытным переживанием живого Бога) [5, с. 15], «в атмосфере всеобщего равнодушия, застоя и обескураженности другой, бесплодный, никому не нужный бумажный океан сопутствовал океану Солярис» [5, с. 166] (отсылка к схоластическому формализму). Так же,

[1] Например: отклонения от соляристического канона — догмы сравниваются с ересью, оказывающийся ключевым для разгадки тайны героем документ носит название «Малый Апокриф», собственные версии описываемых событий герои характеризуют как «демонологию» (с. 80), тест над собственным сознанием, чтобы отметить реальность происходящего, герой называет пробой крестом — experimentum crucis (с. 54), и т. д.

как и схоластика стала образом отрыва теории от живого и жизненного религиозного опыта, так и человеческие теории не только утрачивали любую релевантность при попытке применить их к реальности Соляриса, но и вели к его «мифологизации». Поведение Океана в таком ракурсе описывается в пантеистических категориях: Океан занимается тысячекратными преобразованиями самого себя — «онтологической автометаморфозой». Такой взгляд связан с тем, что общество, сфокусированное исключительно на интеллектуальном познании мира и сталкивающееся с неописуемым явлением, «видело в гигантском мозге наивысшую цель существования — итог бытия» [5, с. 26].

Еще Гегель связывал феноменологическую категорию «Другой» с зацикленностью субъекта на Я [3]. Интеллектуальный нигилизм проецируется на Солярис через теорию, которую Лем описывает как доминирующую на момент развития событий: следующая за всплеском обожествления потеря интереса научного сообщества к Океану напоминает ницшеанскую «смерть Бога» с одновременным замыканием человека на самом себе, и тогда Океан как Другого становится проще воспринимать как статичного и не участвующего в реальном миротворчестве «космического йога, мудреца, олицетворение всеведения, который уже давно понял бесполезность всякой деятельности и потому категорически отказывается от общения с нами» [5, с. 30], а лимит собственных способностей постижения приписывается Другому через атрибуцию ему черт интеллектуальной дегенерации и регресса после фазы «интеллектуального великолепия» Океана (делающей уместным параллель с Эпохой Просвещения). Так, центральная для ранней «соляристики» проблема «*взаимоотношения материи и духа, сознания, поспешно признанная метафизической*» [5, с. 30], поспешно отбрасывается — «Как будто достойно человека вязнуть, захлебываться и тонуть в чем-то, чего он не понимает и никогда не поймет!» [5, с. 166]. Ключевым испытанием для людей, сфокусированных на открытии нового, становится слом логических шаблонов и понятных смысловых конструкций. Ужас перед Океаном вызывался тем, что в его жизненных формах «нет ничего постоянного, ничего несомненного, в них нарушаются даже физические законы» [5, с. 126].

Невозможность описать Солярис научным методом поставила человечество перед фактом лимитов интеллектуального познания мира. По мере того как «схоласты» пытаются приписать Океану собственную измеримую и предсказуемую логику (для них он представляет собой «образование, способное к целенаправленным действиям в астрономическом масштабе» [5, с. 23]), они все более оказываются в ловушке собственного мышления — неразрешимость вопроса о цели его действий (и их наличии), которые автор попытается раскрыть в конце книги в философском ключе.

«Владей собой, это единственный выход, другого я не знаю» [5, с. 15], — с таким стоическим напутствием Кельвин входит в «первый контакт». С каждой из сторон исследование Другого в «Солярисе» оказывается для человечества «пробным камнем самоценности» — то есть вызовом нарциссизму

привыкшего к позитивистскому мышлению, не соотносящего свои действия с Непостижимым субъекта.

В конечном счете, критика «соляристики» Лемом отражает определенного рода состояние постмодерна: она описывается как научная дисциплина, сталкивающаяся с лимитом научного знания и невозможностью фальсифицировать собственные непогрешимые гипотезы, напоминает «обломки интеллектуальных конструкций, возможно гениальных, перемешанные без всякой системы с плодами полного, граничащего с сумасшествием маразма» [2, с. 30]. «Непогрешимый» — достаточно точный термин. Во-первых, Лем показывает, как при настойчивом применении к Другому собственной ограниченной онтологической рамки (и осознании невозможности подобного акта) вместо стремления к диалогу по отношению к нему возникает агрессия и стремление к уничтожению любой ценой — как к не соответствующему единственно верной, человеческой, системе координат [2]. Во-вторых, он заключает, что сходную реакцию вызывала бы не только непохожесть Другого [7], но и черты, которые иной разум разделял бы с человеческим: «Человеку, видимо, комфортнее с «шеренгами бронированных массивных автоматов, которые не делят с человеком первородного греха и настолько невинны, что выполняют любой приказ» [5, с. 196].

В результате, в понимании Лема, первый контакт не может увенчаться успехом a priori — и причиной тому в числе прочего можно считать нигилизм, культивируемый секулярным обществом. В то время как религиозное познание способно преодолеть подобные лимиты. Милбанк так определяет его принципы: конечная вещь не может быть познана, даже в какой-либо степени, вне ее соотношения с бесконечным, и именно Откровение, в практическом плане подразумевающее в том числе и предельную, непредвзятую открытость инаковости, с религиозной точки зрения является истинным разумом [15].

В лице соляристики Лем повествует о рациональности, доведенной от мифа о ее сакральности и всеохватности до абсурда и полной дезинтеграции. Таким образом, вопрос о лимитах науки в Солярисе можно рассматривать в том числе и через призму вопросов о кризисе Разума и разумного постижения мир, им всем явно не хватает Явления, Откровения — Лем ставит вопрос о том, что «наука занимается только тем, как что-то делается, а не тем, почему это делается».

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА БОЖЕСТВЕННОМУ ЧЕРЕЗ ОБРАЗНЫЙ РЯД «СОЛЯРИСА»

«Выстроит нам серебряные симметриады, и помолится за нас своей математикой, и окружит нас своими окровавленными ангелами, и его мука будет нашей мукой, и его страх — нашим страхом, и он будет молить нас о конце» [5, с. 184].

Как было уже описано в разделе выше, нигилизм и позитивизм, присущие секулярной логике, негативно влияют на способность коммуникации

с Другим и способности к непредвзятому изучению мира. В определенной степени Лем предсказывает «темный поворот» в философии и описывает процесс, при котором внутренние для философии науки и истории идей тенденции приводят к тому, что мир начинает восприниматься человеком в категориях враждебности и отчужденности. В отрыве от мышления в богословских категориях противоречия данной логики остаются для субъекта или теоретика непреодолимым «слепым пятном» и, как следствие, порождает ужас и бессилие.

Именно через эту призму описываются объекты, порождаемые Океаном. Лем описывает их как «суперкопию — воспроизведение более тщательное, чем оригинал» [5, с. 184], на двадцать лет предвосхитив Масахиро Мори в его описании эффекта «зловещей долины». Помимо этого, Океан с точки зрения людей, с которыми он вступает в контакт, реализует одностороннюю власть, что однозначно трактуется ими как насилие.

Почему это происходит? Дело в том, что творения Соляриса подчиняются логике платонического воспроизведения — но лишь в определенной степени. Представляется, что к описанию его творческого процесса возможно применить категории унивокальности и репрезентации Дунса Скотта — «ложного платонизирования» [6, с. 43], как характеризует их Радикальная Ортодоксия. Логика Платона подразумевает, что предметы могут быть описаны как прекрасные либо образцовые в той степени, в какой они приближены к Богу; при этом «знание по тождеству» предполагает также «знание через трансформацию» [6, с. 41] (тезис, который будет подробнее раскрыт в следующем разделе). В этой парадигме, развиваемой Фомой Аквинским (с применением богословских категорий аналогии и знания по тождеству), человеческий ум не отделяет себя от Бытия, а истинное знание тождественно сущности Бога и Слову (как вторая ипостась) и неотделимо от них.

Так, процесс «положительного» божественного творчества, по предложению Пикстон, описывается в категориях гармонии между повторением и идентичностью [13]. Развивая теорию соотношения духа и материи, философ делает акцент на необходимости наличия трансцендентного для существования материального, с тем что наличие любой отдельно взятой и осмысляемой вещи напрямую зависит от наличия устойчивого трансцендентного образца, — мысль, обращающая наше внимание на соотношение повторения и идентичности и опирающаяся как на платоновскую теорию форм, так и на христианское развитие понятия метексиса (μέθεξις) — сотворчества и соучастия: «как ни странно, ярко выраженная идентичность вещи является трансцендентной по отношению к самой себе, и материальность предмета при этом лишь соучаствует в этом трансцендентном» [13, с. 63]. С этой точки зрения наблюдаемый мир является символом трансцендентных событий, а полнота бытия чего бы то ни было напрямую зависит от полноты пребывания в Боге — т. н. «аналогическая» (analogy) томистская логика, избранная «Радикальной Ортодоксией» в качестве краеугольного камня.

В противовес этому принцип репрезентации Дунса Скота не подразумевает живую динамику взаимодействия человеческого разума с божественным. Под принципом унивокальности понимается ход богословской мысли, подразумевающий 1) метафизическое превосходство Бытия над конечным, равно как и бесконечным; 2) Богу отводится существование в той же системе координат, что и тварный мир, с различием лишь в «интенсивности бытия», оставаясь в иерархических категориях Бытия [14, с. 122]. Авторы Радикальной Ортодоксии аргументируют, что унивокальность Скота отделяет тварный мир от Бога. Это происходит от осмысления Бога в тех же категориях, что и тварный мир, с оговоркой о том, что эти категории в Нем достигают ни с чем не сравнимой и несоотносимой интенсивности [14, с. 123]. Такая «интенсивность» приводит к тому, что идентичность превращается в радикальную отделенность и недосягаемость божественного для тварного, а любые попытки познания Его характера и природы оказываются обреченными на провал. В свою очередь, это приводит к полной автономности Его воли [6, с. 41]. При этом в логике Скота метафизическое не может реально участвовать в осуществлении тварного, не становясь при этом физическим, — поэтому абстрактное идеальное метафизическое принимает характер абстрактной, почти что виртуальной, реальности, носящей лишь частичную актуальность для происходящего (поссибилизм) [1]. Действительность при этом оказывается отделенной как от себя самой, так и от собственной потенции [14, с. 125]. Так, логическая потенция (possibilitas) вытесняет метафизическую.

Принцип поссибилизма можно частично соотнести с принципом действия искусственного интеллекта. В то время как машинные суждения могут быть многочисленными и зачастую быть верными с точки зрения алгебры логики, разумное суждение человека ясно вычленяет среди них верные и ложные — и в ряде случаев важнейшим критерием становится этический. Такой этический критерий можно соотнести с метафизической составляющей. Лем достаточно прозорливо предвосхитил модель искусственного интеллекта в «Сумме теологии», назвав ее «гностической машиной».

> *«Гностической машине остается принимать во внимание, с целью создания комплексной теории, бесчисленное количество переменных, даже таких, которые не может произвести современная наука... В результате мы получим теорию, закодированную в виде, скажем, цельной системы уравнений. Но что смогут люди сделать с этими уравнениями?» [9, с. 99].*

Последний вопрос при этом можно трактовать двойственно: и как неспособность к корректной интерпретации [4, гл. VII], и как невозможность адекватного (с человеческих и человечных позиций) применения.

Подобным образом творческий процесс «демиурга» в «Солярисе» имеет характеристики «черного ящика»: он получает импульс для создания материи от человека, производит набор неизвестных действий и умозаключений

и выдает результат. При этом, с точки зрения автора, подобный принцип действия имитирует эволюционные процессы [9, с. 103–104; 8].

Парадоксально, но который можно было бы воспринимать как оригинальный, не будь он выстроен вокруг искаженных человеческих памяти и разумения [5, с. 183]. Таким образом, рассуждая о лимитах Океана Соляриса, именно о человеческих творениях, Лем пишет, что они ложны, повреждены и не отражают первичного замысла, но отдаются во власть энтропии, — при этом его космология наполнена случайностями, недоразумениями и взаимным непониманием [9, с. 98; 4, с. 9; 11].

Этот пункт хотелось бы выделить отдельно. Милбанк обращает особое внимание на то, что в скотистской системе координат познаваемое перестает быть реальным внешним соединением формы и материи, но становится объектом (esse objectivum), замкнутой на себе внутренней реальностью. В понимании Милбанка, логика Скота в конечном счете описывает процесс божественного творчества как едва ли не буквальное «копирование» характеристик, заложенных в существующей автономно от бытия божественной идее. Такие объекты возможно воспринимать лишь в категориях «копии, начисто лишенной внешней референции», так как вследствие несоотнесенности Бога с тварным миром, приоритета возможного перед актуальным (поссибилизм) Бог способен «разорвать обычную связь между нашим умственным постижением вещей и тем, как они существуют сами по себе» [15, с. 42]. Стоит отметить, что мышление самого Лема о Боге носит ярко выраженные скотистские черты, что отражено в его «Сумме Технологии»: если для него и существует божественный замысел, то он не только «дьявольски сложен», но и «отягощен ненужной сложностью» [9, с. 96]. Подобное восприятие отрешенности земной реальности от бытия в Боге, по Милбанку — сочетание репрезентации и поссибилизма, — в ходе европейской эволюции знания о Боге, человеке и обществе стало одним из ключевых интеллектуальных толчков для создания идеи обособленного от божественной воли секулярного пространства, впоследствии трансформировавшись в атеизм и нигилизм — продукты модерна. Такой ход рассуждений приводит к непоправимому нарушению христианского понимания божественного как воплощения Блага, Истины и Красоты — то есть является еретическим по содержанию [11].

Именно в этой парадигме Океан, отягощенный извне «человеческими» же характеристиками, умноженными в неопределенной степени, для Лема становится «отчаявшимся Богом»,

> *«ограниченным в своем всеведении и всемогуществе» [potentia absoluta], «ошибочно предвидящим будущее своих творений», «бесконечность из меры могущества» которого превращается в «меру его безграничного поражения» [5, с. 191].*

«Ограниченность» Бога «Соляриса» связывается именно с той непосредственностью, с которой он оказывается связан с человеческой мыслью

и волей. Лем ставит ребром вопрос о понимании божественного интеллекта и осмыслении человеком его действия и пишет притчу о людях, которые обращают причинно-следственные связи вспять и не ищут в себе образ Божий, но совершенству Бога приписывают собственную ограниченность. Это логика «зеркала, имеющего онтологический приоритет перед тем, что оно отражает» [6, с. 43]. «Да, но отчаявшийся Бог — это ведь человек, мой милый, ты говоришь о человеке» [5, с. 198].

Гипотеза автора заключается в том, что повествование «Соляриса» повторяет путь скотистской логики, что и становится причиной его «темной теологии», призванной «разоблачить» религию как явление одиночества, иллюзий и самообмана, — однако становится элегией обоженному миру, тоской осиротевшего Человека по способности приблизиться к божественному смыслу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Работы ключевых авторов философского направления «Радикальная Ортодоксия» — преимущественно К. Пиксток и Дж. Милбанка — демонстрируют, как при реализации принципов репрезентации и унивокальности, предложенных Дунсом Скотом и ставших доминирующими в теологии, фигура Бога оказывается, во-первых, умаленной вследствие применимости к ней человеческих категорий, во-вторых, отрешенной от участия в созданном им мироздании, в-третьих, изолированной, недостижимой и абстрактной. На примере вселенной романа Ст. Лема «Солярис» была кратко рассмотрена и проиллюстрирована «онтология репрезентации» Дунса Скота в понимании Радикальной Ортодоксией. Предложена идея о том, что темная, «отчаянная» онтология Соляриса — пугающее видение «ущербного Бога», порождающего сломанный мир, — может иллюстрировать его воплощение. Описано Лемом и то, как проживание этих категорий субъектом порождает установление специфического, контрастирующего с христианским, символического порядка. Следуя за Милбанком и Пикстоком, демонстрируется, как позитивизм в науке, а также теология, предлагаемая главным героем в конце романа, по сути, порождена отходом от патристического понимания Бога и человеческого познания через мысль Дунса Скота. История «соляристики», описанная в романе, а также итоги ее эволюции ведут читателя к выводу о том, что торжество внерелигиозного, позитивистского мышления ведет к распаду знания и к торжеству индивидуации, расщепляющей мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бандуровский К. В.* Акт и потенция. Новая философская энциклопедия: в 4 т. // Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд. [Electronic resource] URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH362f248c5da02f680b8c36 (дата обращения: 17.07.2024).
2. *Братина Б., Братина С.* Становление субъективности // Концепт: философия, религия, культура. 2021. № 5 (3). С. 7–15.

3. *Гаспарян Д. Э.* Проблема «Я» и «Другого» в философском и психологическом ракурсах: от Гегеля к Лакану // Философские науки. 2015. № 10. С. 61–77.
4. *Лем С.* Собрание сочинений. Том 13. Сумма технологии. М.: Текст, 1996.
5. *Лем С.* Солярис. Эдем. М.: АСТ, 2023.
6. *Милбанк Дж.* По ту сторону секулярного порядка: репрезентация бытия и репрезентация народа. М.: ББИ, 2023.
7. *Силантьева М. В.* Интенция Другого как основа коммуникативного акта // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. XIV межвузовский семинар по лингвострановедению. 2017. С. 48–64.
8. Dawkins R. *The Blind Watchmaker*. New York: W. W. Norton & Company, Inc., 1986.
9. Konior B. *The Gnostic Machine: Artificial Intelligence in Stanisław Lem's Summa Technologiae* // Imagining AI: How the World Sees Intelligent Machines. Oxford: Oxford University Press, 2023. [Electronic resource] URL: https://doi.org/10.1093/oso/9780192865366.003.0006 (дата обращения: 17.07.2024).
10. Massimiliano S. *A Philosophy of First Contact: Stanisław Lem and the Myth of Cognitive Universality* // Pro-Fil. 2021. № 22.
11. Milbank J. *The Universality of Gift: On Power, Justice and Order*. Comment Magazine (2022). [Electronic resource] URL: https://comment.org/the-universality-of-the-gift/ (дата обращения: 11.03.2024).
12. Milbank J., Pickstock C., Ward G., ed. Radical Orthodoxy: *A New Theology*. London: Routledge, 1998.
13. Pickstock C. *Repetition and Identity*. Oxford: Oxford University Press, 2013. ISBN 978-019-968-361-1.
14. Pickstock C. *After Writing: On the Liturgical Consummation of Philosophy*. Oxford: Blackwell Publishers, 1998.
15. Souza M. P. *Radical Orthodoxy — Reason and Revelation* // Luminous Darkness: Reflections on Theology, Philosophy and History (2013). [Electronic resource] URL: https://luminousdarkcloud.wordpress.com/2012/03/06/radical-orthodoxy-reason-and-revelation/#_ftn2 (дата обращения: 14.07.2024).

BIBLIOGRAPHY

1. Bandurovskij K. V. *Akt i potencija. Novaja filosofskaja jenciklopedija: v 4 t.* // Institut filosofii RAN; Nacional'nyj obshhestvenno-nauchnyj fond. URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH362f248c5da02f-680b8c36 (data obrashhenija: 17.07.2024).
2. Bratina B., Bratina S. *Stanovlenie sub'ektivnosti* //Koncept: filosofija, religija, kul'tura. 2021. № 5 (3). S. 7–15.
3. Gasparjan D. Je. *Problema «Ja» i «Drugogo» v filosofskom i psihologicheskom rakursah: ot Gegelja k Lakanu* // Filosofskie nauki. 2015. № 10. S. 61–77.
4. Lem S. *Sobranie sochinenij. Tom 13. Summa tehnologii*. M.: Tekst, 1996.
5. Lem S. *Soljaris*. Jedem. M.: AST, 2023.

6. Milbank. Dzh. *Po tu storonu sekuljarnogo porjadka: reprezentacija bytija i reprezentacija naroda*. M.: BBI, 2023.
7. Silant'eva M. V. *Intencija Drugogo kak osnova kommunikativnogo akta* // Lingvostranovedenie: metody analiza, tehnologija obuchenija. XIV mezhvuzovskij seminar po lingvostranovedeniju, 2017. S. 48–64.
8. Dawkins, R. *The Blind Watchmaker*. New York: W. W. Norton & Company, Inc., 1986.
9. Konior B. *The Gnostic Machine: Artificial Intelligence in Stanisław Lem's Summa Technologiae* // Imagining AI: How the World Sees Intelligent Machines. Oxford: Oxford University Press, 2023. URL: https://doi.org/10.1093/oso/9780192865366.003.0006 (data obrashhenija: 17.07.2024).
10. Massimiliano S. *A Philosophy of First Contact: Stanisław Lem and the Myth of Cognitive Universality* // Pro-Fil. 2021. № 22.
11. Milbank J. *The Universality of Gift: On Power, Justice and Order*. Comment Magazine (2022). [Electronic resource] URL https://comment.org/the-universality-of-the-gift/ (data obrashhenija: 11.03.2024).
12. Milbank J., Pickstock S., Ward G., ed. *Radical Orthodoxy: A New Theology*. London: Routledge, 1998.
13. Pickstock C. *Repetition and Identity*. Oxford: Oxford University Press, 2013. ISBN 978-019-968-361-1.
14. Pickstock C. *After Writing: On the Liturgical Consummation of Philosophy*. Oxford: Blackwell Publishers, 1998.
15. Souza M. P. Radical Orthodoxy — Reason and Revelation // Luminous Darkness: Reflections on Theology, Philosophy and History (2013). [Electronic resource] URL: https://luminousdarkcloud.wordpress.com/2012/03/06/radical-orthodoxy-reason-and-revelation/#_ftn2 (data obrashhenija: 14.07.2024).

CONTENTS

ONTOLOGY AND T HEORY OF KNOWLEDGE

Shishl'annikov I. I.
The Philosophical Legacy of Ludwig Wittgenstein and Its Relationship with the Principles of Cognitive Behavioural Therapy 7

Surkov A. G.
Informational perception of the anthropological subject..... 17

HISTORY OF PHILOSOPHY

Archimandrite Iosif (Iosif Borisovich Eremenko)
The historical significance of Orthodoxy in the interpretation of Russian philosophy 25

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE

Dmitrieva K. M.
Culture as a spirit in the philosophy of G. V. F. Hegel..... 35

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

Kurilov V. A.
The ideological function of the satirical image of religion in the magazine "Crocodile": 1979–1992 43

THEORY, METHODOLOGY AND HISTORY OF SOCIOLOGY

Senchilo V.
The City and the Unconscious: A Psychoanalytic Perspective on Urban Critique..... 57

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Shcheglov A. K.
Decent Work in the Age of Digital Platforms: A Socio-Philosophical Analysis of Risks and Contradictions 66

SOCIOLOGY OF CULTURE

Krestinenko N. V.
Types of performance in network culture 79

THEORY AND HISTORY OF CULTURE AND ART

Bogdanova O. V., Zhilene E. S.
Autobiographical prose by L. Rubinstein ("The whole year. My calendar") 85
Karpenko G. Yu., Perepelkin I. M.
Value codes of the capital locus of E. N. Chirikov's tetralogy "The Life of Tarkhanov" 104
Litova D. S.
Stanislav Lem's Novel "Solaris": An Experience of Reading in the Theological Categories of "Radical Orthodoxy" 112

ЛИЧНОСТЬ. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

2025. Том XXVII. Вып. 2 (№ 126). — 124 с.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати
Свидетельство о регистрации № 018755 от 29 апреля 1999 г.
Лицензия АНО НИТО ИД № 02739 от 4 сентября 2000 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-89023 от 03.02.2025 г.

Контакты редакции журнала:
Телефон редакции: +7-812-570-02-36
Веб-сайт редакции: www.lko.ru.
E-mail редакции: lko@rhga.ru.

Выпуск журнала готовили:
Тихомиров М. Г. (ответственный секретарь)
Данилевская М. Ю. (редактор)
Сурнин А. А. (вёрстка)

ISSN 1606-951X (Print)
ISSN 3033-604X (Online)

Издательство «Центр содействия образованию»
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки. 15
center2065@gmail.com

Сдано в набор 03.03.2025. Подписано в печать 28.03.2025.
Формат 70×100 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 10.
Тираж 500 экз. Заказ № 348

Отпечатано в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
190020. Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134
9450922@gmail.com